

справки, кажется, никакой ему не посылал, равным образом не помнить чтобы он спрашивал в своем письме Клевезаль о каком-то лице, проживающем в Одессе, и потому не может объяснить фразы в письме Клевезаль «из Одессы не получил еще ответа, не знаю как он поживает». В Одессе у него, Лебедева, нет ни одного знакомого ему лица. Он, Лебедев, не предполагал, что под материалами для переплетной работы, о которых упоминает в письме Клевезаль, надо разуметь книги, а думал, что ему надобны какие-либо инструменты. О каком «надежном» человеке упоминает Клевезаль в своем письме не знает. Он не спрашивал в своем письме у Клевезаль, когда тот придет в Харьков, а потому и не знает, к чему он поместил в своем письме о том, что придет в Харьков к Светлому Празднику. Фраза в письме Клевезаль: «не влезает что-то у меня слова, все немецкие выходят обороты» он, Лебедев, решительно не в состоянии объяснить себе. О каких «хороших» новостях, имеющих быть в Светлом Празднике, упоминает в своем письме Клевезаль — также объяснить не может. К Клевезалью он, Лебедев, писал только одно письмо. Тетрадь для записывания газетных известий, представленная ему, сделана им по тому случаю, что он, при помощи внутренних корреспонденций, желал ближе ознакомиться с материальным положением отечества и с вопросами административной ссылки. Записи сделаны им в январе настоящего года. Именно с этой целью и сделаны были им выдержки из газеты «Р. Вѣдомости», от 22 и 23 января, о числѣ лиц освобожденных из административной ссылки, находящихся еще в ссылке, а также фамилии этих лиц. Об упоминаемых в письме к Спицыну от 23 октября 1880 года «смущение не за содержание письма, а по причинѣ кое-чего иного прочаго, о чем и думать не хотѣлось бы» он, Лебедев, может сказать то, что опасался что отец его, получивши то письмо Спицына, всерьез его и не дал ему знать в получении письма. В фразѣ письма: «нам главным образом нужны, не те люди, которые умѣют выдѣлывать фортели въ родѣ бацъ, бацъ, да подобно вратамъ рѣзаться въ землѣ», под словом «намъ» он разумѣлъ вообще русских либералов, под фортелями — выстрѣлы революціонеров-террористов, и под людьми выдѣлывающими фортели и роющими в землѣ разумѣлъ самих террористов. Далѣе, говоря в письме о познаниях, о цѣли, о готовности ко всему, «о борьбѣ» он хотѣлъ сказать, что правильным скоро может быть дана конституція, и тогда имъ, либераламъ, придется выступить на попрѣ общественой дѣятельности, придется выступить и въ борьбу съ консерваторами и съ террористами. Упоминаемый в письме кружокъ изъ 13 члѣн. былъ чуждъ всякой политики. Лицъ, входившихъ въ члены кружка, не желаетъ упоминать. О кружкахъ между гимназистами, реалистами и женскимъ он слышалъ отъ другихъ. Второй студенческій кружокъ имѣлъ возникнуть безъ непосредственнаго участія его, Лебедева. Изъ четырехъ собраний кружка на второмъ онъ читалъ составленный имъ «рефератъ» утилитаризмъ Д. С. Милля, найденный у него при обыскѣ. Кроме его квартиры, гдѣ были собранія кружка, тоже не желаетъ объяснить. 7 марта, часовъ въ 9 вечера Чернышевъ явился къ нему въ квартиру съ какою-то личностью, которую представляла ему, называя Лавреніусомъ. Вечеръ провелъ Лавреніусъ у него такимъ образомъ: сначала вспоминалъ о Варшавѣ, его жителяхъ и садахъ; затѣмъ, когда явилась жена его, Лебедева, то Лавреніусъ пропѣлъ под музыку какую-то польскую пѣсню. Между прочимъ Лавреніусъ высказалъ, что для черезъ два возвратится въ Курскъ; а такъ какъ у него, Лебедева, въ Курскѣ есть одинъ знакомый Спицынъ, то онъ и попросилъ Лавреніуса взять письмо для передачи Спицыну, о которомъ, кажется, Лавреніусъ говорилъ, что знакомъ съ нимъ. На другой день вечеромъ письмо это жена его, Лебедева, отнесла въ квартиру къ Чернышеву и передала послѣднему. Содержание письма о событіи 1 марта и высказанное в письмѣ сочувствіе террористамъ онъ, Лебедевъ, исключительно объясняетъ своимъ тогдашнимъ психическимъ состояніемъ, заключавшемся въ крайнемъ разстройствѣ, вызванномъ слѣдующимъ явленіемъ: по уходѣ Лавреніуса, жена его, Лебедева, обратилась къ нему съ восклицаніемъ «что это за чудно гороховое былъ?» Намекая этимъ на Лавреніуса, и при томъ расхохоталась. Онъ возвратилъ женѣ, что не зналъ Лавреніуса и не слыша его разговоровъ, не имѣетъ права о немъ такъ отзываться. Развѣ, — сказалъ женѣ, тебѣ носъ его не понравился. Жена обидѣлась на него за эти слова, и, не говоря болѣе ничего, легла спать. Написавъ означенное письмо къ Спицыну потому, что тотъ былъ совершенно противоположныхъ взглядовъ на политиче-

скія убійства, и чтобы такимъ образомъ вызвать въ Спицынѣ удивленіе, недоумѣніе, гнѣвъ и т. п., представляя себя ту сцену, которая могла воспослѣдовать тогда, когда Спицынъ явился бы въ Харьковъ и видѣлся бы съ нимъ, Лебедевымъ; представляя себя со стороны Спицына ужасъ по поводу написаннаго имъ, Лебедевымъ, и съ своей стороны комическій смѣхъ надъ ужасами Спицына, и затѣмъ разъясненіе всего этого, какъ ему казалось, пріятнаго шантажа. Сущность письма называлъ секретомъ потому, что собирався в письмѣ выразить, съ точки зрѣнія закона, преступныя мысли о событіи 1 марта. «Дѣльце», о которомъ говорится в письмѣ, и есть событіе 1 марта. Слова: «подобный казусъ свалился какъ свѣтъ на голову» означаютъ, что онъ, Лебедевъ, ничего не зналъ объ этомъ. Словами же: «ходили, правда слышались хотѣли высказать, что изъ газетныхъ извѣстій зналъ, что слуха о составившемся покушеніи на Государя ходили по Петербургу еще ранѣе событія 1 марта. Если далѣе в письмѣ и сказано, что будто „я зналъ, что въ Питерѣ непременно должно въ скорости нѣчто произойти“, то это сказано, какъ говорится, для красоты слога, точнѣе для того, чтобы Спицынъ, прочтя эти строки, пришелъ бы въ большій ужасъ, чтобы, слѣдовательно, еще смѣшнѣе вышла бы та сцена, которой онъ, Лебедевъ, ожидалъ въ то время, когда ему пришлось бы увидѣться съ Спицынымъ. Фраза: „наши молодцы“ означаетъ русскихъ террористовъ. Разговоръ о событіи 1 марта двухъ Харьковскихъ члѣн. т.-е. мѣщанъ, есть чистый вымыселъ. Силы террористовъ, которыми они располагали при покушеніи на жизнь Государя, ему, Лебедеву, не были извѣстны, и говоря о томъ, что террористами были въ ходъ пущены всѣ наличныя силы, основывался единственно на газетныхъ сообщеніяхъ. Выражая свое сочувствіе событію 1 марта и террористамъ, онъ руководствовался высказанными уже мотивами, побудившими его написать письмо: „сочувствовать только сочувствуемъ по поводу геройскихъ поступковъ героическихъ людей“, послѣдними словами онъ желалъ выразить слѣдующую печальную мысль: пусть террористы поступаютъ несправедливо, безнравственно, безчеловѣчно, рѣшались на политическія убійства; но все-таки надо признаться, они способны на геройскіе поступки, что они слѣдовательно геройскіе люди. Подобно тому, какъ всякій человѣкъ, рѣшающійся пожертвовать своею жизнью для осуществленія своей идеи, есть геройскій человѣкъ. Приписка къ письму сделана по той причинѣ, что, во 1-хъ, адресъ его Спицыну былъ извѣстенъ и, во 2-хъ, потому, что опасался возможности вскрытія письма такими лицами, которые конечно, перелопачуютъ сущность письма въ самую худшую сторону, т.-е., что, согласно содержанию письма, онъ может быть обвиненъ въ политической неблагонадежности.

Вслѣдствіе показанія Александра Лебедева, брата обвиняемаго Лебедева, что у него, Александра Лебедева, свидѣтельства Оеодосійскаго полицейскаго управленія за № 1246 на имя Зоненмана не было и не могло быть; что фамилію эту слышитъ въ первый разъ; что братъ его, въ бытность у него въ квартирѣ, верхняго платья его не надѣвалъ, равно и онъ не пользовался платьемъ обвиняемаго, — Николай Лебедевъ на передпросѣ 10 іюня показалъ, что онъ болѣе уже не подтверждаетъ своего прежняго объясненія объ этомъ свидѣтельствѣ. Нахожденіе того свидѣтельства въ своей квартирѣ замѣтилъ недѣлю черезъ три по своемъ пріѣздѣ въ Харьковъ послѣ ванингуль. Предполагаетъ, что въ теченіи этого времени попалъ къ нему свидѣтельство съ книгами, которыми онъ бралъ изъ библіотеки Юзефовича и у то варищей. Съ того момента, какъ онъ обнаружилъ въ своей квартирѣ присутствіе означеннаго свидѣтельства, держалъ его вмѣстѣ съ другими разными бумагами въ карманѣ своего платья до того времени, когда оно было найдено при обыскѣ, какъ хорошо помнить, въ карманѣ его пиджака вмѣстѣ съ разными незначущими ничего бумагами. Такое продолжительное время означенное свидѣтельство потому единственно находилось при немъ, Лебедевъ, что не считалъ свидѣтельство ни подложнымъ, ни вообще не представляющимъ въ себѣ для него чего нибудь опаснаго, а смотрѣлъ на него просто какъ на пачку негодную бумагу, а такого рода бумаги у него иногда въ большомъ количествѣ находились въ карманахъ его платья.

Относительно письма за подписью Е. К. (въ дѣлѣ вѣществ. доказ. на 6 л.) ученикъ 8 класса Таганрогской гимназіи Евгений Клевезаль 14 апрѣля показавъ, что письмо это писано имъ и послано по почтѣ студенту Харьковскаго университета Лебедеву съ мѣсяцъ тому назадъ. Съ Лебедевымъ онъ познакомился предъ Рождествомъ 1880 года случайно въ Харьковѣ, на сколько помнить въ вѣснѣ. Обращившись къ нему случайно съ какою-то вопросомъ, завязалъ съ нимъ разговоръ, при чемъ уз-

налъ, что онъ Харьковскій студентъ Николай Лебедевъ. При этомъ высказалъ мнѣніе о трудности достать книги въ провинціи и о томъ, что желаетъ составить для себя небольшую библіотеку. Лебедевъ выразилъ сочувствіе такому желанію и предложилъ свое содѣйствіе въ видѣ покупки старыхъ журналовъ. Въ Харьковѣ онъ, Клевезаль, былъ одинъ разъ предъ Рождествомъ прошлаго года, пробывъ тамъ всего 4 дня. Послѣ первой встрѣчи видѣлся съ Лебедевымъ въ Харьковѣ только одинъ разъ, встрѣтивъ его случайно въ библіотекѣ, и тутъ Лебедевъ, вспоминая свой прежній разговоръ, далъ ему адресъ и пообѣщавъ купить для него книги какія понадобятся. Писалъ онъ Лебедеву изъ Таганрога два раза: въ первый въ январѣ и во второй разъ отобранное отъ Лебедева письмо. Въ первомъ письмѣ просилъ узнать можно ли купить Отечественныя Записки и Вѣстникъ Европы за прежніе года, на что и получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Этотъ-то отвѣтъ онъ, Клевезаль, въ своемъ послѣднемъ письмѣ и называетъ справкою и благодаритъ за нее Лебедева. Денегъ однако свободныхъ не случилось, и потому не выслалъ ихъ на покупку книгъ. Въ первомъ письмѣ къ Лебедеву онъ, между прочимъ, упомянулъ объ экзаменахъ, о томъ, что ихъ чрезвычайно интересуютъ то обстоятельство, что будутъ ли экзамены начаты въ этомъ году раньше обыкновеннаго или нѣтъ. Также писалъ Лебедеву, что онъ, Клевезаль, обратился съ этимъ вопросомъ къ одному своему знакомому, Давиду Ещину, проживающему въ Одессѣ, и ждетъ отъ него отвѣта. Въ послѣднемъ письмѣ просилъ Лебедева выслать материалы для переплетной работы, какъ-то: бумагу, бардонъ, — что однако не было исполнено. Просилъ о высылкѣ этихъ материаловъ, потому, что они въ Таганрогѣ стоятъ гораздо дороже. Называемаго по письму надежнаго человека не можетъ назвать, такъ какъ дѣло было давно, и забылъ кто именно собирався тогда ѣхать въ Харьковъ. Когда именно общалъ Лебедеву пріѣхавъ въ Харьковъ — не помнить, быть можетъ въ первомъ письмѣ, быть можетъ при свиданіи, но дѣйствительно было желаніе у него, Клевезаль, еще разъ побывать въ Харьковѣ, такъ какъ желалъ познакомиться съ городомъ, въ которомъ придется жить по окончаніи ученія въ гимназіи. Желаніе это не могъ осуществить въ виду предстоящихъ въ скоромъ времени экзаменовъ. Употребленное въ письмѣ выраженіе: «не влезаетъ что-то у меня слова, все немецкія выходятъ обороты» помѣщено имъ какъ-бы въ оправданіе отрывчатости въ выраженіяхъ. «Кажется къ Светлому Празднику будутъ отсюда хорошія новости» относится къ ожиданію скорыхъ экзаменовъ. Онъ, Клевезаль, надѣялся, что въ Светлом Праздникѣ разрѣшится сомнѣніе о времени экзаменовъ, и такъ какъ упоминалъ Лебедеву объ этомъ предметѣ, то, не найдя ничего другаго болѣе интереснаго для него и желая наполнить чѣмъ нибудь письмо, упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ. У Лебедева въ квартирѣ не былъ въ Харьковѣ бѣдиль повидаться съ товарищами и осматрѣть городъ. Переплетнымъ мастерствомъ занимается съ 4 класса и приобрѣлъ въ томъ довольно порядочный навыкъ. Съ Единнымъ, о которомъ говорится в письмѣ, онъ, Клевезаль, познакомился въ Таганрогѣ, гдѣ тотъ хотѣлъ держать экзаменъ, потомъ Ещину уѣхавъ въ Ростовъ и оттуда въ Одессу, гдѣ, какъ писалъ ему, прискиваетъ какую-то службу. Онъ, Клевезаль, адреса Ещина не знаетъ и посылаетъ ему письмо съ надписью «до востребованія» (т. II л. 53—56).

Найденнаго у обвиняемаго Лебедева свидѣтельства за № 1246 изъ Оеодосійскаго городского полицейскаго управленія выдаваемо не было (т. II л. 39) и приложенная къ этому свидѣтельству печать признана экспертами несходною съ казенною печатью упомянутаго управленія (т. III л. 1 и 7).

Дворянинъ Евгений Поповъ на допросѣ 25 марта показавъ, что никакихъ сборищъ съ преступною цѣлью въ его квартирѣ не было. 24 и 25 февраля собирались нѣкоторые молодые люди къ нему въ квартиру по вопросу Кюсогла — разрѣшить нѣкоторыя отношенія съ нимъ и обратно; личности Кюсогла стояла и стоитъ близъ ко ему. Весь этотъ вечеръ исключительно разговоръ былъ о ней, другихъ постороннихъ вопросовъ не обсуждалось. Были тогда у него, въ числѣ другихъ изъ обвиняемыхъ, Спицынъ и Майковъ. Послѣдній ввелъ Лавреніуса подъ фамилією Бека. Почему Лавреніусъ скрывалъ свою фамилію ему, Попову, — неизвестно. Съ Лавреніусомъ ранѣе этого вечера онъ знакомъ не былъ и послѣ этого не встрѣчался. Дворянина Михаила Тимофѣева вовсе не знаетъ. Сочиненій преступнаго содержанія онъ, Поповъ, ни у кого не видѣлъ и ни когда не читалъ. 18 апрѣля Поповъ объяснилъ, что существуетъ тайное преступное общество въ г. Курскѣ и частью въ другихъ мѣстностяхъ. Въ составъ этого общества входятъ изъ обвиняемыхъ: Василій Майковъ, пропагандирующий въ народѣ, и Александръ Петровъ Колупаевъ, проживающій въ Путивльскомъ